

Детская повесть «Как жила Тася» написана просто и увлекательно. Ее автор М.Л. Толмачева начала писать рассказы и повести для детей с 1913 г. Тогда же и была впервые издана эта книжка. Она адресована детям от пяти до десяти лет, но ее полезно прочесть и родителям: они лучше поймут своих маленьких детей и смогут также по-доброму простить их и помочь им, как это делали Тасины мама и папа.

В книжке обозначены нравственные ситуации, над которыми можно поразмышлять вместе с детьми.

Семь рассказов, составляющих повесть, понравятся детям еще и тем, что они продолжают друг друга, что они связаны повествованием о радостях и горестях маленькой девочки, которые делит с ней ее верный друг любимый медвежонок Мишка.

- [Мария Толмачева](#)
 - [СТАРЫЙ МИШКА](#)
 - [КАК МИШКА НА ДАЧУ ПОПАЛ](#)
 - [МИШКА НА ДАЧЕ](#)
 - [СТАРЫЙ ДРУГ ЛУЧШЕ НОВЫХ ДВУХ](#)
 - [МИШИНА ЕЛКА](#)
 - [ПЕРВЫЙ УРОК](#)
 - [ТАСИНА ПАСХА](#)
 - [Заключение](#)
-
-

Мария Толмачева

Как жила Тася

СТАРЫЙ МИШКА

Тихо было в квартире: папа после обеда спал, мама готовила уроки с Колей, сестра Маня тоже училась, а Тася сидела на низенькой скамеечке в своем уголку, где жили игрушки, и потихоньку разговаривала с Мишкой.

Разные тут были игрушки: корова с колокольчиком., лошадка на колесиках, на кровати лежала новая, нарядная кукла Надя, а две старенькие сидели смиренно на диванчике.

Но любимцем Тасиным был Мишка. Да и немудрено: уж года два тому назад, когда Тася лежала больная, принесли его ей, и с тех пор всегда они жили вместе.

Поистерлась бурая шкурка, на ладони лап недавно пришлось маме наложить заплатки, чтоб не торчала безобразно набивка, похудел он весь и растрепался, но ничего: хорош был Мишка и верный друг...

И, взяв его на колени и наклонив к нему голову, вела с ним Тася чуть слышную беседу.

– Ты знаешь, Миша, ведь подарок-то мне к завтрашнему дню моего рождения от дедушки уж пришел! – говорила она, и с любопытством уставились на нее черные пуговики-глазки. – Знаешь, сегодня приехала мама домой и привезла посылку, ящик такой большой, вот с Надину кровать. Я выбежала, а она кричит: «Уходи, уходи! простудишься!» Ну, а я все-таки успела рассмотреть. Как ты думаешь, что бы там такое было? Ты бы что хотел? Хорошо бы обеденный сервиз: чашки-то у меня есть, а тарелочек нет. Краски бы тоже, пожалуй, хорошо, а то Маня мне своих не дает. А только ты знаешь, Миша, что бы мне ни подарили, ты все-таки будешь лучше всех. Вот мне на Пасху подарили Надю, да она какая-то не настоящая, не то что ты! – и гладит с любовью шершавую Мишину голову.

Рано проснулась на другой день маленькая новорожденная, насилу дождалась, когда встала мама. Карандаши ей цветные подарили и тележку для куклы. Рада была, но все торопила открыть поскорее дедушкину посылку.

Наконец, горничная Даша принесла большой кухонный нож, затрещала крышка, оскалились державшие ее гвозди, и отскочила она совсем.

Много бумаги стало видно; запустила туда Тася жадные ручки, пошарила, что-то вытащила: коробка с шоколадом.

Это хорошо, только это не подарок, подарок, значит, внизу.

И правда, что-то мягкое, большое, никак не вытащишь.

Потянула изо всех сил и ахнула, и опустились невольно руки... Мишку прислал дедушка, большого, белого, как серебро, с голубым бантом, красавца Мишку.

– Вот угадал-то как хорошо дедушка, – говорила мама, стоявшая за Тасиной спиной, – ты так любишь этих медведей, а твой совсем состарился!

Ничего не ответила Тася, разжала руки, и покатился нарядный Мишка на пол, а она пошла прямо-прямо прочь, дошла до сундука в коридоре, залезла на него с ногами, отвернулась к стенке и заплакала.

Разыскала ее мама, удивилась.

– Глупая девочка! О чем ты? Разве тебе не нравится медведь? Такая чудная игрушка!

Молчала Тася. Что сказать? Разве объяснишь отчего вдруг жалко-жалко стало прежнего Мишку, так жалко, что защемило сердце. Бедный, старенький, заплатанные лапки, мордочка так потешная, измазанная... Лежит теперь, глупенький, думает: «Конец мне пришел! Не будет меня больше Тася любить!»

Подождала мама, назвала Тасю капризницей пошла прочь. А Тася соскочила, побежала в детскую, схватила Мишку старого и крепко-крепко прижала к груди.

– Ты не думай, Миша, ты лучше всех, ты мой любимый! А тот, того мне и не надо совсем! Пусть назад едет, куда хочет, и видеть его не хочу!

И, будто забыв о нем, принялась играть.

Посадила в новую коляску куклу Надю и Мишку и стала их катать. По детской повезла по гостиной, докатила до столовой и остановилась. Там тот, новый, белый...

Интересно, убрала его мама или нет? Заглянула чуточку – нет, лежит по-прежнему на полу задрал лапы.

Так ему и надо! Зачем вздумал у Миши место отбивать!

Запела Тася песню, покатила колясочку назад. Села рисовать, сломала карандаш и задумалась. И представилось ей, как лежит бедный Мишка на полу, под стулом.

Тоже, пожалуй, не весело и ему. Ехал-ехал от дедушки, и вдруг... Неловко там лежать и страшно, кругом все чужие. Встала опять Тася, взяла старого Мишу.

– Пойдем, посмотрим. Стоят оба, смотрят...

– Пустить уж разве его в детскую? А? Миша, как ты думаешь? Конечно, не на твою кровать, а так, куда-нибудь, у двери!

Подошла нерешительно, потянула за лапку – жалобно посмотрел белый Мишка.

– Ну, иди уж, так и быть! – нахмурилась Тася, чтоб не видно было, что жалко, отнесла гостя в детскую, посадила на картонку в углу. А сама рассадил кукол по стульям, Мишку в середину, стала их дедушкиными конфетами угощать.

А тот, белый, сидит один, смотрит издали, да облизывается. Отставила Тася в сторону шоколад, покраснела, подумала минутку, посмотрела на верного старого Мишу, а тот на нее.

Потом трянула решительно головой, побежала в угол, взяла белого и зорко поглядела ему прямо в глаза.

– Живи уж! Я тебя прощаю! Будешь и ты мой! Спать будешь на коробке с кирпичиками, а подушку одну тебе Миша свою даст, он добрый. Только ты знай, что все-таки он главный, и я его больше всех люблю!

КАК МИШКА НА ДАЧУ ПОПАЛ

Вечер, скоро и спать. Присев на корточки в уголке с игрушками, Тася поспешно укладывала по кроваткам кукол и зверей. Пришла няня. Мама сидела за столом и что-то писала.

– А какие же игрушки, Тасенька, ты берешь с собой на дачу? – спросила мама.

Тася посмотрела на игрушки и решительно ответила:

– Все!

Мама покачала головой.

– Это невозможно, дочка, их слишком много, да они тебе и не понадобятся – будешь больше в саду играть, в лес ходить. Ну, к чему тебе, например, все куклы?

– А им скучно здесь будет! – недовольно ответила Тася.

– Не говори глупостей, – остановила ее мама, ты не маленькая уже. Завтра я тебе дам большую корзину, и ты в нее уложишь все, что оставляешь дома, и возьмешь с собой две-три любимые игрушки, а все остальное спрячь!

На другой день Тася, окруженная игрушками, сидела перед открытой корзиной и соображала: Мишу старого, конечно, с собой, а белого, нового? Его бы, пожалуй, можно и оставить, да старый Миша с ним очень подружился, скучать будет, придется и его взять. Ну, пусть посидят пока оба на кровати.

Вот куклу Лильку, конечно, оставить надо. Недолюбливает ее Тася за то, что раз ей очень досталось от мамы, когда, заинтересовавшись, почему у нее глаза закрываются, она Лильке парик отклеила и глаза пальцами вынула. С тех пор, хоть и починила мама сургучом куклу, все-таки она какая-то косая осталась.

Бог с ней! Пусть лежит в корзине, на самом доньшке.

Вот и барана белого тоже не жалко: шерсть у него лезет, кричать он перестал, и золотая краска с рогов облупилась.

Положила еще Тася другую куклу, безногую, поставила коробку с зоологическим лото, присела отдохнуть и задумалась...

Рада она, что завтра на дачу: весело там будет!

Мягкий песок на дорожках, на лугу цветы, комнаты маленькие, и везде в окна деревья видно... «Ах, надо узнать у мамы, будет ли и это лето у нее своя грядочка?»

Вскочила Тася, хотела бежать, спрашивать, да вспомнила, что мама не велит дело бросать не кончив, присела опять и поспешно стала складывать в корзину все, что под руку попадалось.

И в самом деле, зачем ей летом все это? Сунула сервиз чайный, плиту жестяную, мебель кукольную, потом собрала в фартучек кубики разрозненные и с грохотом высыпала и их туда же. Захлопнула крышку, но что-то мешало закрыться совсем. Тогда Тася села сверху, в корзине что-то хрустнуло немножко, крышка легла аккуратно, и Тася побежала к маме.

Мама тоже стояла, согнувшись над большим сундуком, и укладывала туда детские платья.

– Ну что, отобрала вещи? – обернулась она к девочке. – Неси скорее, я уложу!

Тася немножко замялась.

– Мишки оба остались, – сказала она, – да только их нельзя укладывать!

– Это почему? – удивилась мама.

– Да им душно будет! Я их лучше на руках повезу.

– Что за пустяки! Ты их только потеряешь. У нас и так в вагоне вещей много будет! – не соглашалась мама. – Давай скорее, мне некогда!

Но Тася стояла на своем. Сговаривались, сговаривались, наконец, решили белого Мишу уложить на самый верх в сундук, чтоб ему удобно было, а бурого, старого, Тася на руках

повезет, иначе она не согласна.

Не спалось Тасе эту ночь: все боялась проспать. Поднялась ни свет ни заря, разбудила Маню, пробежала к няне, выглянула в окно: не приехали ли ломовые? Но все еще было тихо на улице, и няня назвала ее «неугомонной».

Наконец все встали, и началась суета, Тася была готова раньше всех. Надела на Мишу его теплую дорожную рубашку, сунула себе в карман другую, запасную, туда же положила мячик резиновый черненький и коробочку монпансье на дорогу, хотела еще платок носовой положить, но уж места не было. Потом села на подоконник и стала ждать. За ранним завтраком ничего есть не могла, только молока выпила чашечку.

Но вот вещи отсланы, все готовы и идут садиться на извозчиков. Тася спускается с лестницы, одной рукой крепко держится за мамину руку, а другой прижимает к себе Мишу.

Яркое солнышко ударило в глаза на улице, швейцар Иван стоит у подъезда и улыбается.

– Мы на дачу едем, Иван! – кричит ему Тася, а он ловко подхватывает ее сзади и сажает к маме на извозчика.

Поехали. Тася смотрит по сторонам и ей хочется кричать всем встречным:

– До свиданья! До свиданья! Мы на дачу едем! – и на радостях она крепче жмет Мишу и украдкой целует его в облезлое ушко.

Вот и вокзал. Тут довольно страшно: сколько народа, толкотня, свистят паровозы, везут багаж. Тася вздыхает с облегчением только, когда все вошли в вагон и мама не опоздала, а сидит тут же против Таси.

Но вот и поехали! Поплыли мимо столбы, платформы; отодвинулись назад люди на ней; замелькали какие-то вагоны, закопченные здания, высокие трубы; потом вдруг стало светло, зелено, и усеянное желтыми цветочками раскинулось поле.

Прижавшись носом к стеклу, стояла на коленях у окна Тася и смотрела. Хорошо бы остановить поезд и побежать шибко-шибко по зеленой травке! Сколько цветов-то!

А где же Миша? Надо и ему показать. Бедненький! Совсем завалили его вещами: Колька на него пальто бросил, а няня на лапку села. Надулась Тася, вытащила Мишу, оправила на нем рубашечку и посадила его на раскидной столик у окна.

– Сама захотела его на руках везти, так сама и смотри за ним, – говорит мама, – у нас и так вещей много!

Конечно, сама! Никому она своего Мишеньку не даст!

– Смотри-ка, Миша, вон коровки, целое стадо! А там вон деревня виднеется.

– Ты бы села, Тася, говорит мама, устанешь ведь: целых пять часов ехать!

Как тут устать: так весело смотреть в окно, бежит все, бежит назад, так что в глазах рябит и кажется, что даже колеса выговаривают: «Мы на да-чу! Мы на да-чу!»

Миша тоже смотрит, задрал мордочку и растопырил лапки.

Ехали-ехали, проголодались все, запросили у мамы есть. Старательно держала Тася кружечку с молоком, чтоб не расплескалось, и прикусывала пирожок, а Мишу пришлось уж в уголок посадить покамест.

Закусив, хотела опять к окну пролезть, но место уже занял брат Колька.

– Ты все время здесь сидела, а я нет! Теперь моя очередь! Правда, мамочка? – торопливо доказывал он, отстраняя сестру.

– Ну, ты посиди до станции, а потом опять Тасюпусти, – решила мама. – А ты, детка, посиди пока спокойно, отдохни!

Сжалась Тася в комочек, подобрала ноги. Спорила она, собственно, так только, для порядка, а ей уж и самой больше не хотелось смотреть в окно: ведь все там то же самое, зеленое. В голове как-то странно становилось, в глазах так туманно стало, и глуше стучали колеса.

– Смотрите, няня, Тася-то совсем дремлет! – откуда-то издалека слышит она мамин голос. – Уложите-ка ее!

– Закачало совсем нашу птичку, – отвечает няня. – Еще бы! С каких пор поднялась!

И чувствует Тася, что няня кладет ее на диван, подсовывает подушечку под голову и прикрывает усталые ножки большим платком.

– А Миша? – лепечет с усилием девочка. – И Мишка твой здесь! Вона в уголке сидит! Спи, моя красавица, еще долго ехать-то!

И сладко заснула Тася...

Проснулась оттого, что Коля крикнул ей прямо в уши:

– Приехали! Вставай!

Замигала, затерла слипающиеся глаза, смотрит: все уж в пальто и шляпах, и няня вещи связывает.

Ах, ведь и в самом деле приехали!

Сейчас увидит она знакомых лошадок, загремят бубенчики, покатают они...

– Мамочка! За нами Степан приедет? На паре? Да? – кинулась она к матери.

Уж медленно идет поезд, вот и платформа.

Колька быстро пробирается к окну и изо всех сил барабанит в стекло.

– Мамочка! Вон Степан! Степан, мы здесь! Иди сюда!

Тася смеется, кивает в окно Степану и первая бежит вон из вагона, так что мама бросает пакеты и спешит за ней.

– Тише, детка! Упадешь! Успеешь еще!

Но Тася ничего не слышит: она уже около Степана, держит его за жесткую, точно деревянную, руку, и ей радостно видеть его знакомое, милое бородатое лицо, слышать привычный запах кожи и дегтя, которым пропахла его одежда.

– Ты на Гнедке и Мальчике приехал? – спрашивает она, припрыгивая. – А Жучка здорова? А щенятки есть?

Степан не знает, кому отвечать, потому что с другой стороны к нему уж прицепился Коля, но тут его зовет мама, и он кидается помогать вытаскивать из вагона вещи.

Через несколько минут все расселись и поехали. Впереди, со Степаном, мама, Маня и Тася, сзади, на извозчике, Коля и няня.

Загрохотали колеса на площади перед станцией, потом попали на мягкую, пыльную дорожку и покатались весело среди полей.

– Мама! Мама! Смотри васильки! – кричит Тася. Мамочка, – вели остановиться, я нарву! Ах, сколько ромашки!

– Воздух-то какой чудесный! Так медом и пахнет! – восхищается Маня.

– Все ли вещи тут? Ничего не забыли? – озабоченно оглядывает экипаж мама.

Тася почти не замечает ее слов, но вдруг ей делается как-то неловко. Она мгновенно сидит неподвижно, уставив глаза в одну точку, и вдруг кричит отчаянным голосом:

– А Миша? Мама, а Миша где?

Но мама не знает, мама совсем забыла о нем.

– Я же тебе говорила, что ты должна сама за ним смотреть! – говорит она.

Тогда Тася начинает отчаянно рыдать.

– Миша мой, Мишка! Он, наверное, остался в вагоне! Что я буду делать? Мамочка, вернемся! Пожалуйста, вернемся!

– Да ведь поезд давно ушел! Ну перестань же, не стоит плакать!

Но Тася плакала все громче. Полезла в карман за платком, но вместо него вытянула Мишину рубашечку и залилась еще неутешнее.

«Да не у няни ли он?» – вдруг пришло в голову Мане.

– погоди, Степан, пусть они нас догонят, мы спросим.

Степан сдержал бойких лошадок, а Тася обернулась и, затихнув, с нетерпением стала следить, как в облаке пыли приближался отставший экипаж. Сердце у нее так и колотилось, и вся она дрожала. Вот уж видна белая фуражка Коли и нянин желтенький платок.

– Няня, – крикнула им мама, – не у вас ли Тасин медведь?

– Чего?

– Тасин медведь у вас, я спрашиваю?

– У меня! У меня! – донесся тоненький нянин голос.

Тася так и затрепетала.

– Дай! Дай скорее! Нянечка, миленькая!

Няня не спеша слезла с дрожек и рысцой подбежала к переднему экипажу с белым узелком в руках.

– Тут он! С пирожками вместе! – сказала она, похлопывая по узелку. – Как стали все вылезать из вагона, я огляделась не забыли ли чего, ан, сидит Мишка-то в уголку, горемычный. Хвать, и пирожки забыли. Я все вместе в салфетку и завязала!

И, передавая девочке узелок, прибавила:

– Ты уж, Тасенька, не развязывай до дому-то, а то рассыплешь все. Здесь, здесь Мишка-то твой, видишь лапка торчит!

– А он там, пожалуй, теперь все пирожки съест! – засмеялась сквозь слезы счастливая девочка, нежно прижимая к себе узелок.

Так, вместе с пирожками, и приехал Миша на дачу.

МИШКА НА ДАЧЕ

Как только огляделась Тася немножко на даче, так стала по-летнему своего старого Мишку устраивать.

– Разве медведи в комнате живут? – рассуждала она. – Ну, зимой – это уж поневоле, а летом надо будет его в берлогу переселить!

И она стала усердно обдумывать, где бы эту берлогу поудобнее устроить. На террасе не стоит: все мимо ходят, да и на комнату похоже. Одно время собралась было поселить Мишку в пышном цветнике перед домом. Было там много цветов, и Тасе показалось, что недурно бы устроить ему жилье, в тени цветов.

Как-то утром она осторожно пробралась в самую середину клумбы, где на деревянном столбике торчал светлый стеклянный шар, раздвинула цепкий душистый горошек и усадила Мишку в самую чащу. Ему там очень понравилось, и его мордочка премило выглядывала из пестрой массы цветов. Но на беду вышла из дому сестра Маня и подняла страшный крик.

– Куда ты забралась? Ты все цветы помнешь! Вылезай сейчас, глупая девчонка!

– Ну уж и «глупая девчонка». – Тася обиделась и только придумала, как получше ответить сестре, как вышла мама и тоже велела ей уйти из цветника.

– Вечно у тебя какие-то необыкновенные затеи! – сказала она.

Тася надулась и ушла с Мишей в сад подальше. Всем они мешают, ну так они подальше зайдут, и тогда их никто не найдет!

Шли, шли и дошли до большой сосны, что красноватым столбом подымалась вверх так высоко, что у Таси шляпа свалилась назад, когда она закинула голову, чтоб увидеть зеленые, пышные ветви, сквозь которые красиво синело небо. Внизу, у подножья, был мягкий узорчатый мох, словно бархатная зеленая подушка. Тася сразу решила, что лучшего места для берлоги и не найти. К тому же от дорожки их отгораживал густой мелкий ельник.

Присев на землю, Тася почувствовала себя далеко-далеко ото всех, так что ей стало даже чуточку страшно. Но то-то и хорошо: ведь медведи в дремучих лесах живут.

Но за постройку взяться в этот раз не удалось: пришли гости с соседней дачи, и Тасю позвали домой. А вечером пошел дождь и лил, досадный, два дня.

Наконец, проснувшись утром, Тася увидела синее небо и поспешно вскочила с кровати. Выбежала, едва одевшись, в сад и захлопала от радости в ладоши. Все блестело кругом от висевших еще на ветвях капель дождя, в которых переливалось солнышко. Дорожки уж почти просохли, только у дома, под водосточной трубой, стояла большая светлая лужа.

«Вот славно-то, – подумала Тася, – вот милый день сегодня: погода хорошая и воскресенье, значит, папочка приедет! Попрошу маму, чтоб она взяла меня его встречать!»

Но мама почему-то не согласилась, велела только няне надеть на Тасю новое белое платье, а самой Тасе велела быть умницей и скоро уехала.

Но кругом было так весело, что Тася скоро утешилась и, захватив Мишку, убежала в сад.

– Давай-ка, Миша, пока берлогу устраивать: как раз к папиному приезду кончим! Вот-то он удивится! Я ему раньше ничего не скажу, приведу в сад, а тут вдруг ты сидишь!...

Сказано – сделано. Тася усердно взялась за работу. Надо было приподнять толстый слой мха и под ним вырыть ямку, а потом палочками этот мох подпереть, чтоб из него вышла крыша.

Немножко смутило ее вначале то, что мох был очень мокрый, точно губка, которой она по утрам мылась. Под ним было суше, хотя все-таки земля немножко липла, так что несколько раз приходилось вытирать руки. Зато берлога выходила на славу.

Тася спешила и работала изо всех сил. Волосы растрепались и липли к потному лбу, и она

все поправляла их рукой, чулки на коленях были совсем мокрые, но мысль о том, как хорошо будет Мишке на новоселье и как удивится папа, подкрепляла ее, и она остановилась только тогда, когда все было готово.

В глубине берлоги, на мягкой подстилочке, сидел Мишка. Его мордочка едва виднелась там, но ясно было, что ему там уютно и хорошо, и так все похоже было на настоящее медвежье жильё, что Тася радостно засмеялась, с облегчением выпрямила усталую спину и встала на ноги. Теперь надо было скорее идти домой и вымыть руки, которые были точно в черных перчатках. Однако, оказывается, и платье тоже позапачкалось; это она только что заметила, и ей стало грустно-грустно: новое белое платье...

Что— то мама скажет? Попробовала почистить, но стало еще хуже. Тася растерянно смотрела на безобразные черные пятна, и ее глаза затуманили слезы.

Вдруг раздался Манин голос:

— Тася! Та-ся-я! — кричала она. — Иди скорее, папа приехал!

Но Тася стояла не шевелясь, только быстро провела рукой по глазам, чтоб скрыть досадные слезы.

У Мани точно было какое-то чутье: она так прямо и бежала на Тасю. Набежала, остановилась и вдруг принялась хохотать, как сумасшедшая.

— Таська! На кого ты похожа? Как трубочист! Все лицо полосатое!

Тогда Тася не вытерпела, заревела во весь голос и побежала прочь от сестры. И как раз налетела на папу, который шел разыскивать свою дочку.

— Детка, что ты? О чем ты? — испуганно спросил он. — Где это ты так перемокла?

Маня торопливо принялась рассказывать, где она нашла ее, но папа не дослушал, взял Тасю на руки и понес домой.

Милый папа! Прижалась Тася к его плечу, спрятала лицо и плакать перестала, только вздыхала глубоко. Так они и взошли на террасу.

— Ну, уж не брани ее ради моего приезда! — сказал папа маме, спуская Тасю на пол.

Пришла няня, покачала головой, увела Тасю переодеваться. Пришлось и мыться, и переобуваться, и все чистое надеть, как после бани.

Тихонькая и гладенькая вышла она к обеду и робко посмотрела на всех, но все болтали, и она понемножку успокоилась. Не чуяло ее сердце, что еще в тот несчастный день доведется ей поплакать.

После обеда папа взял Тасю за руку.

— Ну, веди меня, глупышка, показывать, что ты там своему Мишке устроила!

Пес Гектор, который спал на полу, растянувшись во всю длину, встал, потянулся и тоже пошел за ними.

Этот Гектор был Тасе и враг и друг, она сама хорошенько не знала.

Прошное лето, когда он был крошечным щеночком на толстых лапках, Тася ужасно любила его. Щеночек превратился в большую, веселую собаку с длинными, мягкими ушами, которые болтались, как тряпочки. Он очень любил играть, ужасно высоко прыгал, стремглав бросался, если ему бросали палку. При этом он так громко лаял, что Тася всегда пугливо жалась к маме.

– Да ведь он играет! – успокаивали ее.

Тася это и сама отлично знала, но все-таки было неприятно. Но когда он спал, вытянувшись на полу, Тася любила подсесть к нему на корточках и тихонько поглаживать его гладкую, шелковистую голову. Иногда Гектор просыпался, хлопал приветливо хвостом по полу, разлизнул ее прямо в лицо, и Тася была рада, что Гектор любит ее.

Трудно было уйти без него из дому, он всегда шел за уходящим.

Вот и теперь нехотя поднялся и пошел вслед за папой с таким видом, точно ему помешали спать. Тася, весело болтая, привела папу к Мишкиной берлоге.

Папа очень похвалил и сказал, что совсем как настоящая. Миша с довольным видом сидел на своем зеленом диванчике. Заинтересованный Гектор тоже сунул свой нос в нору и громко фыркнул.

– Смотри, папа, Гектор думает, что тут живой зверь живет! – рассмеялась Тася.

Гектору, действительно, пришло в голову что-то странное: он вдруг изо всех сил принялся рыть землю возле берлоги, из-под его сильных лап так и полетели комки мха.

– Ой-ой! Папочка! Он мне все испортит! – закричала в испуге Тася. – Пошел прочь, Гектор!

Но тот ничего не слушал, и папа должен был оттащить его за ошейник и пригрозил палкой. Тогда Гектор с озабоченным видом убежал в кусты.

День прошел хорошо и весело, и Тася не вспоминала больше об утренней неприятности.

Перед вечерним чаем, когда мама велела надеть ей кофточку, Тасе пришло в голову, что Мишке тоже, пожалуй, холодно в саду, и надо принести его домой.

Но, Боже мой, что она увидела, когда прибежала к большой сосне! Вся берлога была разрыта, а самого Мишки и след простыл! Тася даже остолбенела в первую минуту, потом с отчаянным криком побежала домой.

Все сбежались к ней. Ясно было, что это было дело лап Гектора.

– Не плачь, Тася, – твердо сказал брат Коля, – я сейчас пойду по его следам и разыщу Мишку живого или мертвого.

Но мертвого Тася не хотела и потому продолжала плакать, несмотря на утешения папы и мамы.

Гектор куда-то пропал. Коля обегал сад и дом, его нигде не было.

Неутешная Тася уж просталась мысленно со старым верным другом, когда в комнату вдруг вошла кухарка Даша. В руках у нее был Мишка!

– Вон, злодей, куда игрушку затащил, – сердито заговорила Даша, – у меня под кроватью нашла. Мне бы и невдомек, да полезла за башмаками, глядь, а Екторка лежит там и грызет что-то. Я думала кость, а это барышнин Мишка! Вон лапку сгрыз, злодей!

Тася нежно прижимала бедного раненого Мишу. Весь он был в грязи, и одна лапка болталась на одной ниточке, и из нее лезла набивка.

– Не горюй, Тася, – утешала мама, – я его завтра тебе заштопаю. А теперь давай мы ему забинтуем лапку, будто он на войне был!

Улыбаясь сквозь слезы, Тася протянула Мишку маме.

– Ах, он скверный пес! Как отделал! – ахнула подошедшая няня. – А давеча мою калошу

новую сгрыз. Вот ужo я задам ему, научу, как вещи портить! – и она, бормоча что-то, вышла из комнаты.

Через минуту раздался жалобный собачий визг, а нянин голос приговаривал:

– Не грызи! Не грызи! Не порть вещей!

Тася подняла голову и прислушалась. Бедный Гектор! Верно, больно его няня бьет. А ведь не так уж он виноват. Иногда ведь случается так, что и не думаешь, что плохо выйдет, а выходит! Надо няне сказать...

И Тася опрометью бросилась из комнаты, крича:

– Няня! Нянечка! Не бей Гектора! Я уж не сержусь, не бей!

СТАРЫЙ ДРУГ ЛУЧШЕ НОВЫХ ДВУХ

Была глухая осень на дворе. Давно уж облетели с деревьев последние листочки, размокли дорожки в садах, и все вернулись в город на зимние квартиры.

Раз, в скверную погоду, Тася шла торопливо с мамой домой. Сеял мелкий дождь, и, как ни жалась Тася под мамин зонтик, все же холодные брызги залетали ей всюду. Это было особенно неприятно из-за корзиночки с пирожными, что Тася несла в руках: того и гляди, размокнет бумага сверху, и тогда что станется с пирожками с шоколадной верхушкой?

Но вдруг, у самого подъезда, Тася остановилась.

– Иди же скорее, детка, – торопила ее мама. – Что же ты стала?

– Да кто-то пищит, мамочка, – ответила та, прислушиваясь, и вдруг вскрикнула: – Вот это кто! Смотри, какая киска!

И, забыв о пирожных и обо всем на свете, Тася вдруг присела к зеленой кадочке, в которую журча стекала вода из водосточной трубы.

Тут и мама увидела у самой стены дома маленького серого котеночка. Шерстка его отсырела, он весь дрожал, сжавшись в комочек, и, пятясь задом, все глубже старался забиться за кадочку. Но Тася поймала его за лапку, потянула к себе и взяла на руки.

– Тася! Тася! – ужаснулась мама. – А пирожные-то? Зачем же ты их на землю поставила?

– Ах, мамочка, возьми их скорее, я не могу. Смотри, какая несчастная киска!

– Ну, брось ее, не стой же под дождем! Входи скорей в подъезд!

Тася вошла, но не выпустила из рук котенка.

– Я его себе возьму, мамочка, позволь, пожалуйста. Он такой бедненький, как же его бросить?

– Да он, верно, чей-нибудь, смотри, у него на шее ленточка навязана, как же ты его возьмешь?

– А может быть, его обижали, и он ушел.

Маме и самой жалко стало зверька, и она больше не возражала.

Стрелой влетела Тася на лестницу и, запыхавшись, вбежала в детскую.

– Няня! няня! – звала она. – Где ты? Неси скорее молочка на блюдечке! Смотри, какая хорошая киска!

– Ну, добро какое нашли! – ворчливо ответила старушка, вовсе не приходя в восторг. – Только пачкать везде будет!

Но Тася не унывала: достала молока со стола, накрытого к завтраку в столовой, ухватила кусочек холодного мяса и с этой добычей вернулась в свою комнату.

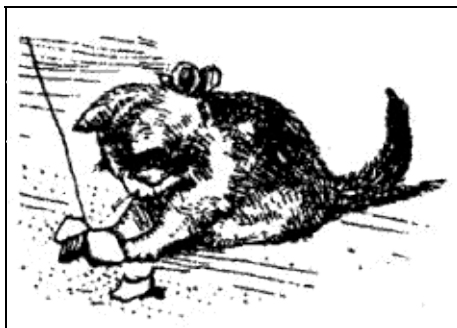
Котенок жадно набросился на еду, щурясь и ворча, а Тася, как была в пальто и калошах, присела на корточки перед ним.

– Да ты хоть разденься, бесстыдница! Смотри, с калош вода течет, снимай их скорей! – теребила ее няня.

И Тася, все не спуская глаз с котенка, покорно далась раздеться.

А тот наелся и повеселел. Очистив досуха молоко с блюдечка, он выпрямился, потянулся, сгорбив спинку, потом сел и начал умываться.

– Няня, няня, – восхищалась девочка, – смотри, как он моется! Вот дуся! Гляди – лапкой за ухо... Сейчас я с ним играть буду!

Привязала Тася на нитку бумажку, побежала, котенок за ней, и такое у них веселье пошло, что насилу дозвались Тасю к завтраку. А когда она вернулась в детскую, ее гость сладко спал на няниной кровати.

– Надо ему собственную кроватку устроить! – решила Тася и подошла к игрушкам.

Тут ее точно что-то кольнуло немножко в сердце.

Каждое утро она «будила» всех кукол и зверей и рассаживала по стульям и диванам. Еще других иногда забывала, но старого, любимого Мишу никогда. А сегодня она проспала утром, потом мама взяла ее с собой в Гостиный двор, а когда вернулась, ей не до того было.

И вот в углу для игрушек было сонное царство: куклы крепко спали на своих кроватках, белый Миша прикорнул на ящичке с кирпичиками, а старый Миша важно лежал под красивым пестрым одеяльцем, что связала ему недавно няня.

Тася постояла минутку в нерешимости, потом быстро взяла Мишку и торопливо посадила его на диванчик.

– Ты побудь пока тут, Миша, – сказала она, твоя кроватка лучше всех, так ты отдай ее киске. Она ведь маленькая, а тебе все равно – ты не живой!

С упреком взглянул на нее старый Миша, грустно свесил на бок шершавую головку. Тася покраснела немножко, но тряхнула волосами и побежала за котенком.

Но на того нашел каприз: как ни укутывала его Тася теплым одеяльцем, он упорно вылезал и соскакивал на пол. Тасе даже жарко стало, но котенок все-таки переупрямил и убежал в столовую, а она за ним, прижимая к губам оцарапанную руку, из которой сочилась кровь.

Хлопотливый день выдался для Таси! Хоть и невелик был зверь, но переполоха наделал страшного, когда вздумал поближе полюбоваться на канареечку сестры Мани.

А час спустя досталось Тасе от мамы за то, что нашли котенка в столовой, бесцеремонно лакавшего сливки прямо из сливочника на столе.

– Уж если хочешь его держать, так сама и смотри за ним! – сказала мама.

А Тася и отлучилась-то всего на минутку взглянуть на диковинную марку, что принес брат Коля из гимназии.

Хуже же всего вышло вечером, когда озорной котенок забрался к папе на письменный стол.

– Выкиньте куда-нибудь эту гадость, – сердито говорил папа, он мне нужную бумагу испачкал!

Тася испуганно схватила своего питомца. В эту минуту в комнату заглянула горничная.

– Барышня, – сказала она улыбаясь, – за киской за вашей пришли!

– Кто? – удивилась девочка.

– Да горничная из восьмого номера: это над нами как раз квартира! Спрашивает, не забежал ли к нам котенок серенький, у них пропал!

– Да это, может быть, совсем другой! – нерешительно отозвалась Тася.

– А вот мы покажем!

Горничная подхватила мигом котенка и унесла его, а Тася побежала за ними. В кухне стояла незнакомая девушка. Увидев котенка, она быстро взяла его на руки.

– Ишь ты, куда забрался! А мы-то ищем! – сказала она. – Барышня весь день плачет!

– Это ваш? – спросила Тася.

– Конечно же наш! Вон и ленточку ему барышня навязала. Ну, благодарствуйте, до свидания! – и горничная исчезла за дверью.

Тася медленно вернулась в детскую, ей хотелось плакать. Хоть и шалун, а такой он был веселый и хорошенький, ее недолгий гость!

По привычке прошла она в свой уголок и ахнула: все там было сдвинуто, составлено в кучу, одна вещь на другую.

Тася вспомнила, что сегодня суббота, значит, Даша мыла пол, а уж она при этом вечно все в беспорядок приведет, всегда Тася с ней из-за этого воевала.

– Где же Миша? – спохватилась Тася.

И она заметила торчавшую из-под игрушечного столика знакомую лапку.

– Бедный, бедный Мишенька! Старый друг! Значит, он весь день под столом пролежал!

Вспыхнула Тася, вытащила Мишу, взяла его на руки и нежно стала ласкать. Ужасно стыдно ей почему-то было! Вспоминалось, как стащила она его с кровати, как за весь день не вспомнила о нем, а какой-то голос явственно шептал внутри: «А, вот ты какая! А приятно бы тебе было, если б пришла чужая девочка, и твоя мама сразу разлюбила бы тебя и только на ту бы и смотрела?! Вот ты подумай-ка!»

И в ответ на эти мысли Тася только крепче прижимала к себе старого верного Мишу и целовала его в облезлое ушко.

МИШИНА ЕЛКА

– Мама, дай мне тряпочек, мне надо Мишке новую рубашку сшить! – говорила Тася, подходя к маме, которая усердно шила что-то на машинке.

– На тебе! – ответила мама, на минуту останавливая свою работу и придвигая к Тасе несколько лоскутков.

Тася недовольно повертела их в руках.

– Мамочка, они некрасивые: серые! Нет ли у тебя других?

Но мамина машинка уже поспешно отбивала свое «тук-тук-тук!», и мама только отрицательно головой помотала. Но от Таси не так-то просто было отделаться.

Она подумала минутку и опять спросила:

– А если я сама найду, тогда можно? Хорошо, мамочка?

Неизвестно, расслышала ли хорошенько мама Тасин вопрос, но только она торопливо ответила:

– Хорошо! хорошо! Не мешай, пожалуйста!

Тася медленно вернулась в детскую, обдумывая, с чего начать поиски. Заглянула в комнату сестры, под папин письменный стол, в мамин рабочий ящик нигде ничего не было. Няня сидела штопала чулки, и у нее тоже ничего не было.

Девочка совсем уж теряла надежду, как вдруг ей бросился в глаза пестрый ситцевый фартучек, который она сняла перед завтраком, потому что разорвала его нечаянно, зацепившись за нянин сундук.

– Ведь хорошо бы из него сделать рубашечку? – промелькнуло у нее в голове.

Тася нерешительно взяла и стала рассматривать фартучек.

Вон какая дыра и прямо спереди! Ну, как его теперь носить? А рубашка бы вышла очень хорошая и нарядная! Как раз к елке! Ведь мама же позволила взять, если я сама найду что-нибудь!

Хоть Тася и не совсем была уверена в своей правоте, но, чтоб не раздумывать дольше, быстро распластала фартучек на полу, взяла ножницы и принялась за дело.

Кроить эти рубашки ее выучила мама. Это было очень просто: сложить материю пополам, вырезать с боков по куску и готово.

Скроив, Тася достала нитку с иглой и солидно уселась шить в уголке. Шила, а сама обдумывала, кого позвать и как устроить елку для Мишек и кукол.

Каждый год после большой елки бывала и крошечная – для игрушек. Тася ее сама украшала, сама созывала гостей и угощала их. Куклы, наряженные в лучшие платья, сидели тут же.

– Не буду звать мальчиков! – соображала Тася.

В прошлом году были Володя и Петя, все время шумели и толкались, Мишку как мячик кидали, все конфеты съели, мне даже ни одной шоколадинки с картинкой не досталось! Нет, позову лучше одну Сонечку. Пусть возьмет свою обезьянку Томку, и мы будем играть!

– Ты что же это, матушка моя, наделала? А? – вдруг прервал ее мечты нянин голос над

самой головой. – Хороший передничек изрезала! Вот я сейчас пойду мамаше пожалуюсь!

Мама вошла в комнату и ахнула.

– Тася, как же это ты смела сделать не спросясь?

Тася вспыхнула.

– Ты же мне сама позволила, мамочка, взять, если я найду что-нибудь! – невинным голоском ответила она.

– Когда же это я позволила?

– А ты шила тогда...

Тася подняла осторожно глаза на мамино лицо и увидала, что ее губы дрожат, сдерживая улыбку. Она радостно запрыгала.

– А! Ты не сердись, не сердись!

Мамино лицо вдруг стало серьезным.

– Нет, сержусь! На то, что ты хитришь: терпеть этого не могу! Скажи по правде: разве ты не знала, что нельзя резать фартучек? Почему ты меня не спросила?

Тася потупилась.

– Потому что ты бы не позволила! – едва слышно ответила она.

– Ага! Вот видишь! Значит, ты отлично знала, что нельзя!

Тасе стало очень неловко. Она заморгала глазами и низко опустила голову.

– Ну, будет! – услышала она мамин голос. – Вперед так не делай! Иди всегда прямым путем! Ну, покажи, что у тебя тут выходит. Молодец, скроила-то ты совсем верно. Ну, пойдем уж, я тебе дам золотые пуговицы для застешки!

Тася улыбнулась, провела кулаком по затуманившимся глазам и вприпрыжку побежала за мамой. На душе у нее стало легко и свободно.

Когда подошло Рождество, и то папа, то мама стали приносить заманчивые пакеты, и дети с живейшим любопытством кидались разворачивать их. Тася, словно маленький мышонок, зорко присматривалась и ловила удобную минуту.

– Папочка, можно мне эти шоколадные лепешечки для моей собственной елки взять? – умоляюще заглядывала она отцу в глаза. И вот этих пряничков тоже, хоть немножко!

И, получив разрешение, стремглав убегала в детскую и прятала добытые сокровища в потайное местечко.

– Таська всю елку перетаскает, право! Вот жадная-то! – ворчал брат Коля.

– Не беспокойся, я и тебя приглашу! – утешала его девочка.

– Ну, еще бы!

Но вот и Рождество пришло. Празднично запахло хвоей в комнатах. Тася в новом платье тихонько прохаживалась по гостиной и сияющими глазами посматривала на темную, пушистую елку, которую должны были зажечь вечером, всю разубранную, красовавшуюся посреди комнаты.

– На елочке – иголки: боюсь – уколюсь! – напевала она тоненьким голоском, и так у нее было хорошо на сердце, что ко всем хотелось приласкаться и сделать что-нибудь приятное.

Вечером собрались гости, зажгли елку, все веселились, играли и танцевали. Улучив минутку, вбежала Тася в детскую и положила перед Мишкой, что смиренно сидел в своем уголке, большой медовый пряник.

– Подожди, Миша, завтра и у тебя елка будет!

И в самом деле, на другой день с утра взялась Тася устраивать праздник для кукол и зверей.

Маленькая елочка, чуть повыше самой Таси, была уже заранее припасена, и цепи наклеены из золотой бумаги, и орехи золоченые, и всякие конфеты, что удалось припрятать понемножку.

После завтрака пришла подруга Сонечка и принесла с собой обезьянку Томку, почти такую

же старую, как Миша, и тоже с протертыми лапками, в зеленой кофте и красной шапочке.

Девочки сразу взялись за дело и первым делом накрепко заперли двери детской. Коля сейчас же начал стучаться и кричать, что ему очень нужно войти. Но Сонечка была непреклонна – Мальчики всегда мешают, уж я знаю! – твердила она.

Так Коля и ушел ни с чем.

А девочки начали украшать елку, то и дело отбегая в сторону, чтоб полюбоваться на эффект издали. Все было очень хорошо, и когда время подошло к обеду, осталось только нарядить кукол.

Тут не обошлось дело без некоторых затруднений.

У главной куклы, Нины, пропала куда-то туфля и, как ни искали ее, так туфля и не нашлась, а так как босой на елку идти неприлично, то пришлось ногу завязать тряпочкой, будто болит.

У другой куклы, Верочки, не было рубашки, но это оказалось кстати, потому что платье было такое узкое, что не наделось бы, пожалуй, иначе.

Для бедного белого Миши не нашлось чистой рубашки: совсем забыла о нем нерадивая мамаша.

В конце концов, все все-таки были одеты, причесаны и рассажены по стульям вокруг елки.

Решено было зажечь елку сразу после обеда, но тут оказалось, что гости не все в сборе. Коля-то давно ждал приглашенья, но не пришел Степа, нянин племянник.

Тася очень его любила; это был бледный худенький мальчик на целый год старше ее, а ростом как раз такой же. Когда он изредка приходил к няне в гости, Тася всегда уводила его к себе в детскую. Он прекрасно умел изображать лошадку и никогда не спорил. Еще давно, с месяц тому назад, Тася приглашала его, а он вот и не пришел.

– Захворал Степа-то наш! – сказала няня. – Давеча кума заходила, говорит, кашель замучил, вторую неделю в постели лежит мальчишка!

Бедный Степа! У всех елка, а он лежит. Ну, делать нечего, придется без него зажигать, а то Коля уж очень близко к деревцу подобрался и что-то там высматривает.

Вышла елочка на славу. Полюбовавшись, срезали девочки на подносик разных сладостей, угостили Колю, оделили кукол и зверей и уселись сами на диванчик отдохнуть и полакомиться.

– Мишка еще шоколаду просит! – вдруг закричал Коля.

– Я же ему дала!

Вскочила Тася, посмотрела: что за чудо! ни у кукол, ни у зверей ни кусочка ничего не осталось! А Коля стоит в сторонке и смеется.

– Это ты! Ты все съел! – сердито закричала Тася. – Больше я тебе не дам!

– Я и сам возьму! – спокойно ответил мальчик, направляясь к деревцу.

Пожалуй, вышла бы здесь пренеприятная история, если бы, очень кстати, не вошла горничная и не сказала бы, что пришел его друг, Петя Прохоров.

Коля стремглав убежал, чтоб не застали его в детской: все-таки гимназист 2-го класса и вдруг с маленькими девочками.

Тогда, на свободе, Тася с Сонечкой стали кукол вокруг елки водить, песенки петь и между собой разговаривать.

Тем временем свечечки стали догорать, пора было их тушить, скоро и за Сонечкой должны прийти.

– Ну, что же ты хочешь себе взять? – спрашивала Тася подругу. – Все что хочешь бери, только вот этого воскового ангелочка оставь: я его очень люблю!

Сонечка покосилась на ангелочка: он и ей нравился. Но, взвесив в уме, она решила, что из-за него все-таки ссориться, пожалуй, не стоит.

– Ну, хорошо! А ты мне дашь этого слоника? И серебряную птичку тоже дашь? – испытующе поглядела она на Тасю.

– Да, да! Бери, что хочешь!

Проводив Сонечку, Тася тихонько вернулась в потемневшую детскую. Сейчас принесет няня молочка, а потом и спать: устала она, по правде сказать...

И вдруг новая мысль мелькнула у нее в голове, сонные глазки оживились.

«Скорее, скорее! пока не пришла няня... Степа, бедный, ведь он больной, надо ему послать чего-нибудь!»

И, схватив ножницы, Тася принялась срезать яблоки, орехи, хлопущки все, что попадалось под руку. Взяла пустую коробку и все туда осторожно сложила. Завтра надо будет попросить няню все это ему снести. Вот-то рад будет!

Хотела захлопнуть крышку и вдруг задумалась. И стояла так долго, неподвижно, глядя перед собой и что-то соображая. Наконец тряхнула головкой, решительно подошла к елке и сняла воскового ангельчика.

В последний раз с нежностью посмотрела на него, потом бережно положила в коробку, захлопнула крышку и обернулась к входившей няне.

– Нянечка, вот, снеси завтра эту коробку Степе, пожалуйста.

ПЕРВЫЙ УРОК

Тася лежала на ковре в детской животом вниз, подперев голову руками, и, напряженно нахмурившись, глядела на подобранный у папы в кабинете лоскуток старой газеты. Там были буквы, большие и маленькие, и многие она уже знала.

Вот эта, кругленькая – «о», палочки с перекладиной «н», а если палочки наверху вместе, как шалаш, то «а».

Все это ей Коля сказал; иногда, в то время, как он готовил уроки, ей удавалось пробраться к нему в комнату.

Учить было гораздо веселее, чем учиться самому, и Коля становился необыкновенно любезен: усаживал ее на свое место, писал ей в тетради разные буквы, рассказывал смешные истории, пока мама, заслышав их болтовню, не выпроваживала Тасю в детскую. Та уходила покорно, но и одна нет-нет, да возьмет книгу и ищет знакомые буквы. Очень ей хотелось научиться читать.

Эта охота пришла к ней после того, как она недавно у Сонечки в гостях подобрала в углу детской толстую растрепанную книгу с картинками и стала ее рассматривать.

– Брось, Тася! – сказала небрежно маленькая хозяйка. – Это старая книга, я ее давно уже прочитала и подарила Томке, потому что там про разных зверей.

– Ты разве умеешь читать? – с почтением спросила Тася.

– Ну да! Еще осенью выучилась. Ты и не знала? – гордо ответила Сонечка.

«А мы с Мишей не умеем!», – подумала про себя Тася и тут же решила, что надо выучиться.

Ей почему-то не захотелось об этом говорить маме.

Но сама, как пчелка по цветкам, усердно стала собирать знания: то у брата спросит, то у сестры, а то, как бы невзначай, и у папы. Жаль, няня была неграмотная.

И все, что запоминала, рассказывала Мишке. Так что, когда подошло Рождество, она уж почти все буквы знала.

Вот и сейчас на клочке газеты одно слово покрупнее несколько раз повторялось, и все буквы в нем знала Тася, кроме одной. Такая смешная буква: две палочки накрест.

Прочитала она в начале слова «к-у» и в конце «арка», но средняя буква мешала, и не выходило слова! Уж она подбирала, подбирала: кумарка, кубарка все что-то плохо выходило.

А добиться своего хочется. И, как на грех, никого дома нет, одна мама: слышно, как она на машинке шьет. Вдруг раздался звонок. «Наверно, Коля!», подумала Тася и бросилась открывать дверь.

Но оказалось, что пришел какой-то господин.

«Спросить разве у него?» – мелькнуло у нее в голове. – «Наверное, он знает!»

Надо было торопиться: вдали уж раздавались шаги горничной. Тася испытующе подняла глаза на гостя и поспешно сказала:

– Послушайте, вы, наверно, умеете читать? Да? Вот скажите мне пожалуйста, что это за буква так пишется? – и она подняла ручки и скрестила два указательных пальца.

Господин удивленно посмотрел на нее, потом рассмеялся:

– Я так полагаю, что это будет «х»! – сказал он. – А на что это вам нужно, прилежная барышня?

Но Тася уже не слушала и мчалась назад в детскую. Еще на бегу она вставила мысленно эту букву куда следует, и получилось «кухарка»; отличное, совершенно ясное слово «кухарка».

– Нянечка, – радостно бросилась она к старушке, у меня «кухарка» вышла! Право, вышла!

– Какая кухарка вышла? – изумленно поглядела на нее сверх очков няня. – Никуда наша Даша не вышла, сейчас я на кухне была!

– Да нет, няня! Какая бестолковая! Вот тут в газете написано слово «кухарка», и вот еще и еще, смотри пять раз! – водила Тася пальчиком по строчкам газетного листа.

– Мало ли народа без места ходит, вот и объявляются! – равнодушно ответила та, отстраняя легонько девочку. А ты не мешай-ка мне сударыня: вон я мамашино платье распарываю, еще разрежу где из-за тебя!

Но Тася была очень довольна своим новым успехом и, взяв Мишку на руки, села к столу и заставила его писать карандашом много «х», больших и маленьких.

А после святок, когда Коля и Маня снова с утра стали уходить в свои гимназии, мама как-то позвала к себе Тасю.

– Знаешь, детка моя, сказала она, – ты теперь уж большая, пора тебе за учење приниматься. Вырастешь большая, будешь много знать и понимать, интересно будет на свете жить. Хочешь учиться?

– Хочу! А как это делать-то? – неуверенно спросила Тася.

– Что делать? Да учиться.

– Учиться?

– Ну вот, прежде всего, я тебя читать научу!

– Читать? – переспросила Тася и спокойно прибавила: – Ну, читать-то я умею!

– Как умеешь? удивилась мама. – Кто же тебя научил?

– Сама... и Коля, и все...

– Да быть не может! Вот смотри какую я тебе красивую азбуку купила. Дай-ка, я открою, прочитай-ка тут!

Тася с любопытством взглянула на хорошенькую картинку, буквы были крупные и понятные.

– Вот к-о-т! – протяжно прочитала она.

– А тут? – мама показала на другую строчку.

– Н-а-ш-а к-а-ш-а! – опять прочитала Тася.

Мама даже книгу опустила от изумления.

– Детка моя, вот сюрприз! – едва выговорила она.

Тася взглянула на радостное лицо матери, вдруг застыдилась, покраснела и бросилась ей на шею. А потом она рассказала, как ей неприятно показалось, что Сонечка с Томкой читают, а они с Мишей не умеют, и решила выучиться.

Мама ее крепко поцеловала, подарила красивую азбуку, а когда вернулся папа, и ему рассказала, как порадовала ее Тася.

На радостях папа за обедом велел принести бутылку шипучего кваса, громко хлопнула пробка, красивыми пузырьками заиграл напиток в стаканах, Коля громко прокричал:

– За Тасины успехи! Ура! – и все потянулись к ней со стаканом, чтобы чокнуться.

А Тася широко улыбалась и чувствовала себя именинницей.

В эту зиму минуло Тасе семь лет, и она собиралась в первый раз в жизни говеть. Она очень гордилась этим, учила молитвы и очень огорчилась, когда не удалось.

Дня за два до Страстной промочила Тася на «вербах» ножки, заболело горлышко, сделался жар, и о том, чтобы в церковь идти, нечего было и думать.

И только в Страстной четверг, когда все собрались яйца красить, позволила мама и Тасе одеться и выйти в столовую.

В доме уже пахло праздником: горничная, высоко подоткнув платье, домывала окна, няня усердно терла мелом образа, а мама в сторонке мелко резала миндаль и цукаты, и Коля то и дело подбегал к ней полюбоваться.

Еще немножко слабенькая, Тася присела к столу, на котором Маня, в большом переднике, разводила в стаканах разные краски. А вот и Даша с усилием тащила большую кастрюлю только что сваренных, дымящихся яиц.

– Мне эту! Эту дай краску! Я хочу, чтоб у меня яичко синенькое вышло! – кричит Тася.

Что за интересное дело! Яички выходят одно лучше другого. Тася сосредоточенно поливает их ложкой, чтоб они вышли ровные, без пятен, но Коле скоро надоедает делать свое дело, как все: он то обмакнет свое яйцо сперва в один цвет, а потом в другой, а то один конец оставит белым и красит только наполовину; и на чистом месте выведет ХЕ.

– Мамочка, ты подари мне несколько яичек, я хочу всем сделать сама по яичку, чтобы христосоваться! – просит Тася.

И когда мама позволила, отобрала себе на тарелочку самых чистеньких и красивых и принялась за дело. Папе сделала желтенькое, а Коля пририсовал красную звезду и буквы ХЕ. Для мамочки в пестренькой бумажке с бабочкой посредине. Мане и Коле по одинаковому красненькому, чтоб никому не завидно было, няне – лиловенькое. И вдруг вспомнила:

– А Мише-то? – и задумалась на минутку. Потом соскочила с места и подбежала к маме.

– Мамочка, не грех, если я и с Мишей похристосуюсь?

Мама задумчиво посмотрела на нее и улыбнулась легонько.

– Не грех, детка!

Так Тася для всех яиц наготовила и стала с нетерпением праздника ждать.

Самый это большой, самый радостный день, одно слово Светлое Воскресение! – говорила ей няня. – Всякая тварь радуется, солнышко играет!

– А ты что это, нянечка, делаешь? – спросила Тася, следя, как ловкими руками делала что-то няня над Маниным белым платицем.

– А вот оборочки плохи! К заутрене Христовой готовлю!

Тася вдруг вспомнила, как в прошлом году перед Пасхой мама рано укладывала Маню с Колей спать, приговаривая:

– Не ляжете, не разбужу вас к заутрене!

И как потом рассказывали дети, как весело было ночью идти в церковь. Вспомнила, тряхнула решительно головкой и побежала к маме.

– Вот я говеть не могла, так к заутрене я непременно пойду! – объявила она твердо, в то же время нерешительно и неуверенно заглядывая маме в глаза.

А та стояла в это время в кухне и, раскрасневшись, растирала желтки с сахаром, и ее рука двигалась так быстро, что нельзя было рассмотреть. На мгновение она остановилась и поглядела на дочку.

– Ну что ж! Пожалуй, если уж тебе так хочется! сказала она. Тогда попроси няню и тебе

белое платье разгладить.

Тася взвизгнула, кинулась обниматься, чуть не сшибла на пол чашку с желтками и побежала объявить няне великую новость. Коля услышал и остался недоволен.

– Вот еще! Всякую мелюзгу брать! – ворчал он. – Раскиснешь, нюни распустишь! Ведь мы в гимназическую церковь пойдем, мне перед товарищами стыдно будет!

– И пожалуйста!... И совсем не раскисну! Ты сам раскиснешь! – обиделась Тася, отходя в сторону.

Полные всякой веселой суеты прошли полтора дня. Настала суббота. Погода стояла ужасная: сыпал мокрый снег пополам с дождем, от ветра рябили лужи, и снежинки вертелись, как сумасшедшие.

– Ну, если к вечеру не будет лучше, я тебя не возьму в церковь, и не просись! – сказала мама Тасе.

Девочка испуганно посмотрела, но по маминому лицу поняла, что так и будет, что и просить не стоит.

И Тася убежала в гостиную, где никого не было, и стала молиться:

– Господи! Дай, чтоб снег прошел! Дай, чтоб меня в церковь взяли! Я буду умная, дай, чтоб взяли!

Но вот уже стало смеркаться, пора было обедать, а снег все шел и таял, падая на мокрую грязную землю.

Ну, дети, в семь часов вы лягте и постарайтесь заснуть, а в половине одиннадцатого я вас разбужу! сказала мама.

– А я? – жалобно протянула Тася.

Мама усмехнулась.

– Ложись и ты! Может быть, погода еще улучшится!

Тася печально побрела в свой уголок и, на всякий случай, стала на ночь укладывать кукол и зверей.

Последними взяла Мишку и новую фарфоровую собачку, купленную на «вербах», которая ей очень нравилась. Тут новая мысль вдруг пришла ей в голову. Она нерешительно поглядела на собачку, повертела ее в руках, потом повернула голову к образу и прошептала:

– Вот если, Господи, я к заутрене пойду, так я эту собачку Коле подарю: ему очень хочется! И, немножко успокоенная, она покорно легла в кроватку.

Но в непривычный час ей не спалось, и все нет, нет, да откидывала Тася одеяло и слушала чутко, что делалось кругом, как раздвигали стол в столовой, как ходила взад и вперед мама, принося что-то.

– Спи, спи, неутомная! – ворчала няня, – что ты все вертишься?

– Да я не могу, нянечка, – жалобно пискнула Тася, – мне не спится!

– Ну, так лежи!

Тася повздыхала и решила еще немножко полежать, а потом пойти посмотреть, что делается за окном.

Кругом было тихо, няня тоже задремала на своей кровати, мама ушла в спальню. Тася смотрела, смотрела перед собой, потом все стало как-то мешаться, глазки ее слиплись, и она заснула.

А между тем, время шло. Мама в последний раз оглядела стол, приготовленный для разговенья, и заглянула в окно. Снега больше не было, все было тихо.

«Пора будить детей!», – подумала она. Но Маня уж проснулась сама и, сидя на кровати, расчесывала свою длинную косу. Коля тоже бодро вскочил. Тогда мама подошла к Тасе.

Девочка крепко спала, сжавшись в комочек.

– Жалко будить! – сказала мама, проводя рукой по ее спутанным волосам.

– Ничего, мамочка, буди! – вступилась Маня. – А то, если мы без нее уйдем, она потом плакать будет! – и, наклонившись над сестренкой, она проговорила: – Таська, вставай, в церковь пора!

Но та только промычала что-то и зарылась носом в подушку. Тогда мама легонько стала тормошить ее, но крепок первый детский сон не просыпалась Тася.

Няня озабоченно поглядывала издали, потом вступилась и она.

– Давайте-ка я попробую голубушку мою побудить. А то поздно, одеваться ведь пора!

Обхватила няня вялое детское тельце и посадила Тасю на кровати. Тася открыла глазки, посмотрела на всех удивленно, ничего не понимая, потом опять повалилась на подушку.

– Ну вот! Я ведь так и знал, что она не сможет идти! – сказал Коля. – Пусть спит! А нам пора!

– Я совсем не сплю! неожиданно выговорила Тася, вдруг снова садясь на кроватке и усиленно моргая слипающимися глазками. – Я это так! нарочно!...

Дети покатались со смеху, но мама услала их одеваться, а няня тем временем натянула Тасе чулочки, надела туфельки и обтерла сырым полотенцем сонное личико.

Тася глянула на висевшее на стуле белое платье, и ей стало весело, и глаза уж не закрывались больше.

– А ты скорей, скорей, матушка, – торопила ее няня, – сейчас в колокол ударят!

Распустила ей няня косичку, насадила на маковку голубой бант, и побежала Тася по комнатам.

Странно так было: ночь, а никто не спит!

Сунулась она в столовую и ахнула. Подошла поближе к обеденному столу, чтобы разглядеть все получше: куличи с разноцветными цветами, облитые белой и розовой глазурью, толстый окорок, от которого так вкусно пахло, яички пестренькие и много еще чего другого.

Только что хотела Тася отковырнуть изюминку от ближнего кулича, как вбежала Маня.

– Таська! Куда ты пропала? Ведь мы уж идем!

Спустились все с лестницы, пахнуло влажным ночным воздухом. Любопытно глядела Тася вокруг. Никогда еще в жизни не была она ночью на улице, даже жутко немножко было. Но все было как всегда: ехали извозчики, шли люди, только магазины были закрыты.

Скоро приехали в Колину гимназию.

В огромной передней, около вешалок, было так много народа, что Тася оробела. Молча дала себя раздеть, искоса посматривая на передних дам, негромко разговаривавших между собой. Коля сейчас же убежал от них, и, проходя по коридору, Тася увидела в стеклянные двери множество гимназистов, которые шумно разговаривали между собой. Потом их поставили парами и повели наверх. Поднялись за ними и Тася с мамой по широкой лестнице и вошли в церковь.

Пахло ладаном, перед иконостасом горели и мигали, как звездочки, огоньки свечей, что-то басом читал диакон, потом звонко и согласно запели гимназисты с клироса. Тася улыбнулась: ей понравилось.

Потом все взяли свечи, дали и Тасе, и она осторожно держала ее и смотрела, как чуть колебался и вытягивался светлый огненный язычок. Но, взглянув на маму, спохватывалась, начинала креститься и кланяться низко, как няня. Прислушиваясь к тому, что пели на клиросе, она узнавала иногда слова из выученных молитв и радовалась им, как знакомым.

Вдруг все зашевелилось, из алтаря вышел священник, гимназисты один за другим чинно понесли образа и красивые золотые хоругви; и пошел, потянулся вон из церкви крестный ход, и

мало-помалу затихло пение вдали. Тася осталась в опустевшей церкви и недоумевающе посмотрела на маму.

– Они сейчас вернутся! – успокоительно шепнула ей та.

И правда, вот уж слышно снова движение за закрытыми дверями, вдруг раскрылись они, и звонко и победно грянул хор:

«Христос воскрес из мертвых! смертью смерть поправ...»

Широко открыла Тася глазки, даже дух немножко захватило от странной, непонятной радости, глянула на маму, а у той тоже светлое, радостное лицо. Наклонилась она к дочке:

– Христос воскрес, детка! – и поцеловала три раза.

Да и кругом все целуются. Смешно и весело! совсем особенно как-то! Сияющими глазами смотрит Тася вокруг, поют певчие так радостно, старенький священник уж не раз выходил из алтаря и говорил всем:

– Христос воскрес!

И вся церковь отвечала ему: – Воистину воскрес!

И Тася тоже говорила, сначала тихонько, потом во весь голос радостно крикнула, так что дама, стоявшая рядом, поглядела на нее и улыбнулась.

Заутреня кончилась, и хоть Маня и просилась остаться на обедню, мама забрала детей и уехала домой.

Ярко горели лампы во всех комнатах, точно ждали гостей. В столовой кипел самовар. Мама поспешила усадить Тасю за стол, кругом шумели и говорили старшие, звенела посуда, но Тася вяло все ниже клонила головку, и ей трудно было даже пить свой чай.

Едва помнила она, как пришла няня и увела ее спать.

Зато наутро проснулась Тася раньше всех, даже няня еще сладко посапывала в своем уголке. Села Тася на кроватке, весело оглянулась кругом.

– Сегодня Пасха! – сказала она себе тихонько, улыбнулась и, как была, в длинной рубашечке, босиком, осторожно перебежала в «свое царство» на ковер, где тоже крепко спали еще все игрушки.

И вдруг радостно пискнула и поспешно наклонилась к кукольному низенькому столику: пасочка на нем стояла крошечная и тоже с цветочком наверху, куличик с кулачок и яички пестренькие сахарные на блюдечке.

Не феи ли добрые здесь ночью побывали?!...

Знает Тася какие феи!

Вот праздник и для ее деток! Пора их будить!

Первого взяла Мишу старенького, вынула его из кровати, где под вязаным одеяльцем спал он вместе с фарфоровой собачкой. Поцеловала его три раза в облезлую любимую мордочку и нарядила в чистую, красивую рубашечку, что чисто выстирала и выгладила няня уж несколько дней тому назад. Посадила к столу и дала ему яичко самое крупное.

Рядом хотела поставить собачку, да вдруг вспомнила и так и застыла с протянутой рукой... Ведь ее она обещала отдать Коле, если приведется попасть на заутреню...

Неужели же так и отдать? Ах, как жалко! Может быть, оставить? Ведь никто не знает?

Поставила собачку около Мишки, вон ей тут как уютно, и Миша ее любит. А Коля только разобьет, пожалуй. Пусть уж стоит никто не узнает!

Потом кукол подняла, одела в лучшие платья и вокруг стола рассадилась. Красиво вышло так, что хоть картину пиши. Только на собачку старалась не смотреть: неприятно как-то было...

А тут и няня проснулась, подивилась на Тасю и потащила ее одеваться. Вбежал Коля.

– Таська, ты встала? Одевайся скорее, будем после чаю яйца катать. И Петя обещал прийти, я просил пораньше!

– Сейчас, сейчас! – ответила Тася, не глядя на брата.

«Отдай собачку! отдай собачку!» – настойчиво твердил ей внутри какой-то голос.

«Не отдам», упрямо ответила ему Тася и даже головой тряхнула.

– Ай-ай! – сейчас же закричала она, потому что в это время как раз няня чесала ей волосы. – Ай, няня, зачем ты меня дергаешь?

– Сама, матушка, головой трясешь! Нешто я тебя дергаю? – удивилась няня.

– Конечно ты! – сердито ответила Тася.

– Али с левой ножки встала? – усмехнулась няня. – Зачем в такую рань поднялась, спала бы!

Немножко надутая вышла девочка в столовую, но вид нарядного стола опять развеселил ее.

Вошла мама, еще раз похристосовалась и подарила огромное красное яйцо, а в нем курочки, цыплятки и красивый, длиннохвостый петушок. Расставила их Тася вокруг чашки своей, покрошила кулича немножко и сама за чай принялась.

– Какая ты сегодня беленькая, чистенькая! ласково сказала ей мама. Старайся, чтобы и на душе у тебя было так же хорошо, не ссорься ни с кем, не капризничай!

Тася потупилась, покраснела и невкусным вдруг стал кулич с миндалем и изюмом.

Все понемножку разошлись из-за стола, а Тася все сидела и задумчиво крошила корочку.

– Таська, что же ты? Иди же! – позвал ее Коля.

– Отстань! – ответила она ему, соскочила со стула и побежала искать маму.

Мама была в кухне и совещалась о чем-то с Дашей.

– Мамочка, – тронула ее Тася за руку, – а, мамочка! Если кто обещал, так надо непременно чтобы сделал?

– Да, да, непременно! – скороговоркой ответила мама, на минуту переставая говорить с кухаркой.

– А если кто не сделает, так он плохой? Даже если никто не узнает? Да? – настойчиво допрашивала Тася, теребя мать за руку и стараясь снизу заглянуть ей в глаза.

Мама вдруг обернулась, внимательно посмотрела на нее и сказала:

– Конечно, плохой! А чтоб никто не узнал, этого не бывает: Бог-то ведь знает! Да тебе это зачем?

– Так! ни зачем! – ответила Тася и убежала. Она прямо вбежала к себе в детскую, схватила, не глядя, собачку и побежала искать Колю.

Тот сидел в столовой на полу и делил на три кучки деревянные яйца.

– На! – ткнула его Тася собачкой в руку. Коля обернулся и удивленно посмотрел на

собачку.

– Зачем это? – спросил он. На, возьми себе! – повторила Тася, не подымая глаз.

Коля взял и подозрительно посмотрел на сестру.

– Что это тебе вздумалось? Ведь это твой любимый песик!

Тася стояла перед ним вся красная, на ресницах ее блестели слезы.

– Я обещала! – прошептала она.

– Кому?

– Да вот вчера, когда погода была плохая, я сказала: Господи, если я поеду к заутрене, так эту собачку Коле отдам! Вот и бери теперь! – и она твердо посмотрела на брата.

Тот кивнул головой.

– Да, это ты верно сделала! – и он задумчиво повертел в руках игрушку. – Только вот что: я ее теперь возьму и назад тебе подарю. Ведь так можно? – и он прелукаво усмехнулся.

– Я думаю, можно! – улыбнулась во весь рот и Тася.

– Ну, конечно, можно! Если собачка моя, так ведь я кому хочу, тому и дарю... Ах, звонят! – прервал он себя. – Это, наверно, Петя!

И, сунув собачку обратно Тасе в руки, он помчался в переднюю навстречу своему другу.

А Тася нежно прижала собачку к груди, забрала со стола новые игрушки и, сияющая, побежала в детскую показывать их няне.

Заключение

С тех пор прошло много лет... Тася теперь большая девочка, ходит в гимназию, хорошо учится. Давно нет у нее игрушек, куклы все раздарены. Но по-прежнему в ее комнате стоит кровать теперь уж совсем старенького, истертого Миши.

И по утрам, даже в темные, зимние утра, когда так трудно вставать рано и жалко расставаться с теплой постелью, всегда перед уходом в гимназию Тася подымет и Мишу, усадит его поудобнее и даст в лапки то безделушку какую, то книжку интересную – ведь он у нее грамотный!

А иногда, когда зайдет любимая подруга и девочки наговорятся всласть о гимназических делишках, вдруг которой-нибудь придет в голову:

– Давай с Мишкой играть!

– Давай!

Затворят дверь, чтоб никто не видал, что большие девочки игрушками играют, добудут лоскутков и тихо сидят и шьют целый вечер Мишке диковинные наряды. Шьют и между собой пересмеиваются. Так смастерили они ему постель, костюм клоуна, с высокой шапкой, с бубенчиком на конце, и белый поварской костюм, и матросский...

И на другой день уйдет Тася в гимназию, а Мишка, одетый в новый наряд, важно сидит в тишине опустевшей комнаты и гордо поглядывает кругом своими черными пуговками-глазками. Хорошо и спокойно ему живется, и доволен своей судьбой заслуженный Мишка!